

Алхоеева Макка Муратовна

студентка

Научный руководитель

Кокорхоеева Дугурхан Султангиреевна

канд. ист. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

г. Магас, Республика Ингушетия

БАШНИ И ТРАДИЦИИ ИНГУШЕЙ

Аннотация: в статье рассматривается феномен ингушской башенной культуры как целостного явления, интегрирующего архитектурные достижения, социальные институты, правовые и этические нормы, а также религиозно-мифологические представления ингушского народа. На основе анализа архитектурных особенностей, типологии сооружений и данных этнографических исследований доказывается, что башенный комплекс не является лишь оборонительно-жилым ансамблем, но представляет собой сакрализованное пространство, материальное воплощение «Эздела» – традиционного кодекса чести ингушей.

Ключевые слова: ингушские башни, башенная культура, архитектура, эздел, Джейрахское ущелье, сакральная топография, родовая организация, культурное наследие.

Башенная культура Ингушетии, сконцентрированная в суровых и величественных ландшафтах Джейрахско-Ассинской котловины, представляет собой уникальный феномен, не имеющий прямых аналогов в мировом зодчестве. Эти каменные стражи, вознесшиеся к небу на протяжении позднего Средневековья (XIV–XVII вв.), являются не просто молчаливыми свидетелями прошлого, но и ключевым кодом для понимания всей социокультурной системы ингушского народа. Архитектурный ансамбль, включающий боевые («влов»), полубоевые и жилые башни («гала»), а также сложноорганизованные склеповые некрополи и святыни, формирует целостную среду, где материальная культура нерасторжимо слита с духовными и социальными практиками [1, с. 54].

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современном научном дискурсе наблюдается переход от сугубо архитектуроцентрического изучения башен к комплексному междисциплинарному подходу, интегрирующему методы археологии, этнологии, социологии и культурной антропологии. Во-вторых, в условиях глобализации и стирания культурных границ обращение к таким фундаментальным основам этнической идентичности, каким является башенная культура, приобретает особое значение для сохранения национального самосознания ингушей. Наконец, включение Джейрахско-Ассинской котловины в список объектов-кандидатов Всемирного наследия ЮНЕСКО повышает интерес международного академического сообщества к данному феномену, требуют его глубокого концептуального осмысливания.

Историография вопроса долгое время развивалась в рамках описательного подхода, фокусируясь на классификации типов построек и их обмеров (труды В.И. Марковина, Л.П. Семенова). Однако в последние десятилетия намечена четкая тенденция на исследование башен как символического языка традиционной культуры. Работы ингушских ученых, таких как Н.Д. Кодзоева, Д.Ю. Чахкиева, З.М.-Т. Дзараховой, убедительно доказывают, что башня была не просто «домом-крепостью», но и юридическим актом, маркером социального статуса, сакральным центром рода и материализованной философией «Эздела» – этического кодекса чести [2, с. 287].

Несмотря на значительные достижения в отечественной науке, в полной мере еще не преодолена определенная изолированность исследований от широкого круга зарубежных компаративистских работ, посвященных феномену «tower cultures» в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в других регионах мира. В этом контексте обращение к трудам иностранных авторов, таких как Р. Шефер и М. Гаммер, которые анализируют социальную организацию вайнахов в контексте конфликтологии и политической истории, а также В.А. Шнирельмана, исследующего мифологизацию прошлого, позволяет вывести изучение ингушских башен на новый, теоретический уровень [3, с. 179].

Целью статьи является комплексный анализ ингушских башен как системообразующего элемента традиционной культуры, выступающего в единстве своих утилитарных, социально-организационных, правовых, этических и сакральных функций. Для достижения данной цели ставятся следующие задачи.

1. Проанализировать архитектурный канон и типологию башенных сооружений, выявив их символическое значение.
2. Раскрыть роль башенного комплекса как ядра социальной организации и правового регулирования в ингушском обществе.
3. Проследить взаимосвязь между архитектурной формой и этико-философской системой «Эздел».
4. Рассмотреть башни в контексте религиозно-мифологических представлений и культа предков, определявших сакральную топографию региона.

Таким образом, данное исследование стремится преодолеть узкоотраслевые рамки и представить башенную культуру Ингушетии как целостный, живой организм, чьи камни доносят до нас не только мастерство древних зодчих, но и основы мировоззрения целого народа.

Сконцентрированные преимущественно в Джейрахско-Ассинской котловине, башенные комплексы насчитывают сотни сооружений, создававшихся с раннего Средневековья вплоть до позднего Средневековья (XIV–XVII вв.). Однако их научное значение выходит далеко за рамки истории зодчества. Башни ингушей – это концентрированное выражение их мировоззрения, социального устройства и духовных идеалов [4, с. 512].

Архитектура ингушских башен отличается строгим каноном, отточенным до совершенства. Выделяются три основных типа сооружений, составляющих единый комплекс.

1. Боевые башни («вІов»). Ингушская боевая башня является выдающимся примером традиционной архитектуры Кавказа, отличающейся своей простотой, функциональностью и символическим значением. Эти башни – настоящая гордость Ингушетии, уникальный способ защиты, который формировался веками и воплощает стойкость и отвагу местного народа.

Боевые башни, или «вІов», были сердцем обороны: они укрывали жителей от вражеских набегов, прятали ценности и становились крепостью для финального отпора. Помимо практической роли, они несли глубокий смысл – символизировали мощь и свободу ингушей, укрепляя их традиции и единство.

По форме башни квадратные или прямоугольные у основания, они плавно сужаются вверх, достигая 30 метров в высоту. Стены толщиной до двух метров внизу (тоньше наверху) сложены из местного камня – гранита или песчаника – с известковым раствором, что делает их невероятно крепкими и долговечными.

Обычно в башне пять уровней, хотя бывают и с четырьмя или шестью. Нижний этаж – для запасов еды и оружия, средние – для жизни и сна, четвертый – для еды и отдыха, а верхний – смотровая точка с бойницами для защиты. Этажи разделены деревянными полами на каменных опорах, создавая уютное, но неприступное пространство.

На самом верху башни добавляют конусную крышу с ступенями – «цІув», которая заканчивается специальным замковым камнем «тІох». Этот штрих не просто декоративный: он знаменует конец стройки, как точка в важном деле. Строители отмечали момент особым обрядом – с молитвами и даже жертвами, чтобы духи благословили дом на века.

Одна из хитростей этих башен – машикули, те самые навесные балконы, откуда удобно стрелять вниз на врагов, не подставляясь под ответный огонь. А ещё там узкие оконца-амбразуры на верхних ярусах для прицельной обороны и тайные проходы к соседним домам – на всякий случай, если придётся отступать.

Постройка такой башни становилась настоящим праздником для семьи и всего аула: начинали с молитвы, чтобы всё шло гладко, а после завершения возведения крыши устраивались праздничные застолья с угощениями и танцами. Это было не просто строительство, а способ сплотить людей.

Сейчас многие из этих башен разрушены и стоят в руинах, но в Ингушетии их берегут: некоторые отреставрировали, превратили в музеи или места для туристов. Власти республики активно работает над сохранением и популяризацией этого уникального культурного наследия.

В итоге, эти боевые башни Ингушетии – гораздо больше, чем просто древние строения: они как живые символы духа народа, его корней и гордости. Разбираясь в них, мы глубже вникаем в повседневную жизнь и традиции предков, а заодно восхищаемся талантом тех мастеров, что возводили их столетия назад [5, с. 71].

2. Полубоевые башни. Полубоевые башни Ингушетии – это удивительное сочетание уюта и силы: они как дома, где можно жить спокойно, но в миг опасности превращаются в надежный щит. Эти строения стоят между простыми жилищами и суровыми боевыми крепостями, давая людям комфорт в повседневности и защиту, когда надвигается беда.

Они выделяются широким основанием и плоской крышей-террасой – «тхов», которую использовали и для отдыха, и как дополнительную комнату на воздухе, и для наблюдения за окружной. Фасады часто украшали простыми, но изящными деталями – карнизами или рамками вокруг окон, чтобы дом выглядел не только крепким, но и красивым. Строили их из больших местных камней, скрепленных известкой, – так получалась вещь на века, выдерживающая бури и времена.

Главное в этих башнях – баланс между жизнью и обороной: в тихие дни они просто теплые дома с очагами («турк») и скромной мебелью, где семья собирается за столом. Но если наблюдалась угроза, жители баррикадировались – засовы на дверях, решетки на окнах, – и башня становилась неприступной.

Внутри всё продумано до мелочей: обычно два-три этажа, разделенные деревянными полами. Нижний – для хранения припасов и работы руками, средний – кухня с едой и общим столом, верхний – тихий уголок для сна и отдыха. Мебели минимум, чтобы места хватало и двигаться было легко в этих уютных, но тесных пространствах.

Яркий пример такой полубоевой башни – в селе Эрзи, в Джейрахском районе Ингушетии: она поражает своим необычным видом и почти нетронутой внутренней отделкой. Ещё одна – в Ушканье, недалеко от границы с Грузией; хоть она и сильно пострадала от времени, но даже в руинах показывает, как выглядели эти дома внутри и снаружи.

3. Жилые башни («гIала»). Жилые башни Ингушетии, или «гIала», – это сердце повседневной жизни, где переплетаются традиции, защита и семейные узы. Они не просто дома, а отражение того, как ингуши жили в гармонии с природой, уважая её и черпая из неё силы.

Эти «небоскрёбы» – двух- или трёхэтажные каменные домики высотой 10–12 метров, с плоской крышей, аккуратно покрытой глиной. У основания они квадратные или прямоугольные, а кверху плавно сужаются, напоминая усечённую пирамиду – просто и красиво.

Башни строили для жизни, из грубо обтёсанных камней, без лишних украшений: главное – чтобы семья поскорее переехала и обжилась.

Нижний этаж – кладовая для еды, инструментов, плюс уголок для работы и хранения всякого. Средний – кухня и место за общим столом, где семья собиралась на еду и разговоры. Верхний – спальня с гостевым уголком, для сна и приёма родни.

Каждая семья жила в своей башне, и это сплачивало всех: старшие делились с молодыми мудростью, правилами жизни, чтобы в ауле царил мир. Женщины вели дом, растили детей, наводили уют, а мужчины стерегли безопасность и заботились о хозяйстве.

Выбор места для башни – дело серьёзное, почти священное: смотрели на воду поблизости, плодородную землю и соседей, чтобы все были вместе. Начинали стройку с молитвы, а заканчивали благодарностью богам за удачу и благополучие.

Мастер-строитель, или «пхъарч», был настоящим художником: секреты каменной кладки и планировки передавались по наследству, и его уважали как равного старейшинам. Каждая башня рождалась как чудо, с благословением свыше.

Сегодня мастера всё ещё разбирают эти башни, видя в них корни современной архитектуры и планировки сёл. Многие отреставрированы, открыты музеи – туда стекаются туристы и исследователи. Башни – воплощение древности ингушской материальной культуры и олицетворение красоты.

Башенный комплекс в Ингушетии представляет собой центральное звено социальной структуры и организационной модели традиционного ингушского общества. Башни являлись не просто строительными сооружениями, а символами власти, престижа и принадлежности к определенному роду или фамилии (тейпу) [6, с. 44].

Башенный комплекс представлял собой совокупность разных типов построек, каждая из которых играла определенную роль в функционировании общества. Боевые башни охраняли территорию и обеспечивали защиту от внешнего врага, жилые башни служили домом и хранилищем имущества, а хозяйственные постройки обеспечивали жизнедеятельность общины.

Отдельно башне соответствовал определенный род или фамилия, и наличие собственной башни являлось признаком полной гражданской и политической свободы. Если башня рушилась или пропадала – это был удар по всему роду: теряли вес в ауле, право слова на советах. Владеть ею значило быть полноправным, влиять на дела общины, как равный среди равных.

В каждом таком башенном «посёлке» существовал свой уклад – старые обычаи и законы. Глава семьи следил за всем: от быта до обороны, а решения ковали вместе, в кругу, с разговорами и согласием всех, чтобы никто не чувствовал себя в стороне.

Для ингушей башня – не просто стены, а душа рода, его сплочённость и мощь. Гордились своим домом, он показывал, что клан на ногах, успешен и крепок. Фраза «иметь свою башню» до сих пор значит быть настоящим, с правами и ответственностью в народе.

Хоть мир изменился, эти ценности живы: башни всё так же в почёте. Старые реставрируют, делают музеями или местами для гостей – чтобы память не угасла, а молодые узнавали о корнях и истории своего края. Регулятор социальных отношений. Высота и замысловатость ингушских башен напрямую отражали место рода в общей иерархии – кто богаче, влиятельнее, тем и башня круче. А система взаимного уважения и зависимости между соседями держала всё в балансе: помогала гасить ссоры и сохранять мир в ауле, чтобы жизнь текла ровно.

Башня высотой служила визиткой статуса – чем она выше, тем больше почтения к хозяевам. Конечно, на это уходили силы и ресурсы: камни, рабочие руки, умелые мастера, – не каждый мог себе позволить такую машину.

Но даже с деньгами нельзя было просто так затмить соседей: правила стояли горой. По законам гостеприимства и уважения, башню не строили выше, чем у ближайшего родича, без их согласия. Нарушил – жди беды, от споров до настоящей драки.

Такое правило держало силы в равновесии, не давая одному клану задавить других. Перед стройкой всё обсуждали с роднёй и соседями, чтобы новая башня вписывалась в общую картину. Если кто-то был против – высоту урезали или останавливали строительство, иначе конфликт.

Такие обычай создавали атмосферу доверия: кланы уживались мирно, без обид и неравенства. Благодаря им ингушское общество оставалось сплочённым, с порядком и согласием на первом месте.

Эти традиции стройки башен сильно повлияли на весь уклад жизни: они мирили разногласия, держали порядок и формировали самоуправление, где каждый знал своё место и уважал чужое.

Кровная месть («Ци») и примирение. Башня стояла в эпицентре кровной вражды – отсюда начиналась месть и здесь же она завершалась. Ритуал мира между враждующими родами часто проходил у подножия такой башни, где старшины могли сесть и найти общий язык [7, с. 248].

Башня служила как живой документ – подтверждала положение рода и помогала держать социальный уклад в равновесии, не давая хаосу разрастись.

В основе всего ингушского уклада лежит «Эздел» – это набор нравственных правил, где на первом месте честь («сий»), совесть («наьна саг»), уважение («хъяльнал»), отвага и благородство. Башни воплощают этот кодекс в камне, делая его видимым и осязаемым.

Строгость и простота боевой башни – как зеркало внутренней силы: собранность, дисциплина и готовность отдать всё за своё.

Её устремлённость ввысь, к небу, – символ связи с высшим («Дела»), тяги к духовному росту и вечным ценностям. Крепкая кладка – это верность обещаниям, нерушимым клятвам и союзам. А то, как башни вписываются в горы, не споря с природой, показывает: человек и мир вокруг – едины, в гармонии и уважении [8, с. 384].

Башня учила жить по-настоящему: смотреть вдаль, думать глубоко и держать осанку – это и есть суть «Эздела». До того, как пришёл ислам, ингуши верили в сложный мир духов, где предки – «кашамаш» – на первом месте. Башня становилась их живым памятником, нитью к корням.

Сакральная топография. Башенные поселения ставили в особых местах – с сильной энергией, по ингушским поверьям, рядом со святилищами («сиелинг»), где чтили богов вроде Ткъа, Галь-Ерд или Мяьли-Ерд [9, с. 204].

Надгробные стелы («чурт»). У башен часто хоронили предков, и их стелы повторяли форму крыши – как ступеньки в небо, мост между мирами живых и мёртвых.

Солярная и астральная символика. Замковый камень, спирали и солнечные знаки на стенах – эхо древних верований о космосе и звёздах, задолго до ислама [10, с. 109].

У ингушей гостеприимство («хъоахалерахь») и қуначество были основой всего. Принять гостя – святое дело: хозяин выкладывался на полную, с заботой и почтением, особенно если чужак в первый раз.

В каждой «Гала» была особая комната – «хъаша ҆ла», только для гостей, неприкосновенная, как храм. Даже посреди вражды или мести гость в безопасности: его не трогают, это закон.

Правила просты, но железные: встречай всех с теплом, без разницы кто они, охраняй от бед, давай лучшее – еду, ночлег, уважение. Эти обычай жили в песнях и рассказах, переходя от отцов к сыновьям.

Куначество – это «брать по духу»: крепкая дружба, рождённая из долгих встреч, между людьми или целыми родами. Кунаки клялись в помощи, защите, мирили в спорах – как родные.

Это сплачивало всех: кланы, аулы, даже разные народы – в сеть доверия и поддержки.

Гостеприимство стояло выше всего, даже мести: если враг в твоём доме, ты его щитишь, хоть он и убил твоего брата. Так ингушки показывали честь и силу духа.

Этот принцип впитался в их кодекс – честь, мораль, – делая гостеприимство самой яркой чертой ингушского характера. Институт гостеприимства и куначества сыграл значительную роль в формировании культурных и этических норм, содействуя миру и сотрудничеству между отдельными группами и народами.

Заключение

Таким образом, башенный комплекс был не просто местом жительства, а сакральным центром рода, где переплетались миры живых и мертвых, людей и богов.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ингушские башни и традиции ингушей представляют собой диалектическое единство формы и содержания. Архитектурный канон башен не был произвольным; он детерминировался всей системой социокультурных регуляторов: правовых норм, этических принципов («Эздел»), религиозных верований и родовой организации [11, с.180].

Башня была одновременно и крепостью, и жилищем, и храмом, и символом. Она формировала особый тип личности – свободного, ответственного и гордого человека, чье достоинство было заключено не только в оружии, но и в камне, вознесенном к небу. Традиции, породившие башенную культуру, оказались настолько жизнестойкими, что даже после исламизации и трагических событий XX века башни остаются для ингушей не просто памятниками старины, а краеугольным камнем национальной идентичности, зримым воплощением духа предков и вечным ориентиром на пути сохранения своего культурного кода.

Список литературы

1. Албогачиева М.С-Г. Многоликое прошлое ингушей / М.С-Г. Албогачиева. – СПб., 1999. – 54 с.

2. Дзарахова З.М.-Т. Культура ингушского жилища: башенная архитектура и этикет / З.М.-Т. Дзарахова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 320 с.
3. Дзарахов Р.А. Башенная архитектура Ингушетии: генезис, эволюция, семантика: дис. канд. архитектуры / Р.А. Дзарахов. – М., 2019. – 179 с.
4. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа с древнейших времен до конца XIX века / Н.Д. Кодзоев. – Магас: Кеп, 2020. – 512 с.
5. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов. – М.: Наука, 1971. – 71 с. EDN WERQKF
6. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушетии / Е.И. Крупнов. – Грозный, 1962. – 44 с.
7. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа / В.И. Марковин. – М.: Наука, 1982. – 248 с.
8. Мартазанов А.М. Ингушетия: страна башен и легенд. Архитектура и этнография горной Ингушетии / А.М. Мартазанов. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. – 384 с.
9. Мартазанов А.М. Традиционная материальная культура ингушей (XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук / А.М. Мартазанов. – М., 2016. – 204 с.
10. Мужухоев М.Б. Ингуши / М.Б. Мужухоев. – Саратов, 1995. – 109 с.
11. Семенов Л.П. Башни Дагестана: типы, конструкции, историко-культурные особенности / Л.П. Семенов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. – 180 с.